

Хогвартс встретил возвращение Гарри привычной суетой в начале учебного года, неожиданным объявлением о Тривизардном турнире и введением нового преподавателя Защиты от темных искусств. Две недели спустя большинство Слизеринцев все еще горячо желали, чтобы эту должность занял кто-то, кто угодно, только не Аластор "Бешеный глаз" Муди.

"Кто хочет пойти первым? Ты, Малfoy. Начнем с тебя. Твой отец рассказывал тебе о том, каково это, не так ли?" Муди очень неприятно улыбнулся и стал внимательно наблюдать за реакцией своей жертвы как обычными, так и магическими глазами.

Малfoy был бледен и почти трясся от злости; Нотт был не в лучшем состоянии; Крэбб и Гойл были невозмутимы только потому, что у них не хватало мозгов, чтобы переварить большинство инсинуаций Муди. А инсинуаций было немало. На первом занятии по защите с Муди две недели назад Гарри был поражен, наблюдая за тем, как Муди разрывает детей, подозреваемых в связях с Пожирателем смерти. Возможно, этого следовало ожидать - репутация Муди как ненавистника Темных волшебников была легендарной, и его приезд вызвал немалый переполох в Слизерине, - но Гарри все равно не верил, что все будет настолько плохо. А теперь Муди собирался с одобрения Дамблдора наложить на них всех по очереди Проклятие Империи, и Гарри был уверен, что ему это будет нелегко. Муди наслаждался тем, как Малfoy, в частности, сбивает с него спесь.

Это было все равно что быть гриффиндорцем в классе Снейпа, или что-то в этом роде.

"А теперь встань, мальчик. Imperio!"

Гарри внутренне содрогнулся, наблюдая за тем, как Малfoy изображает хорька. Это поведение выглядело еще хуже, если сопоставить его с идеально ухоженными волосами Малfoя и аккуратно надетыми мантиями. Пэнси кусала губы от досады, наблюдая за происходящим; когда пришла ее очередь, ее охватило желание убраться. Для человека, который, возможно, ни разу в жизни не протирал пыль, она отлично справилась с уборкой доски своим шелковым носовым платком. Блез бросил на Гарри крайне встревоженный взгляд, когда Муди позвал Забини, а затем, с отсутствующим взглядом, принялся отплясывать зажигательную джигу. Трейси Дэвис сразу после этого попыталась взлететь, используя свою сумку для книг в качестве волшебного ковра. Теодор Нотт делал кульбиты, а Дафна Гринграсс декламировала волшебные детские стишки.

По крайней мере, все вместе выглядели идиотами.

"Поттер! Посмотрим, как ты справишься. Imperio!"

И тут же Гарри охватило приятное чувство парения. Все его заботы словно отошли на задний план; не было нужды напрягаться и думать. Стоило только прислушаться к дружелюбному голосу в голове, который велел ему спеть школьную песню Хогвартса, и все стало бы просто идеально. Гарри уже открыл рот, собираясь начать, но его остановило смутное чувство, что петь ему сейчас совсем не хочется. Голос стал более настойчивым: "Пой, - требовал он. Но чем

больше Гарри думал об этом, тем меньше ему хотелось подчиняться. Счастливое, беззаботное чувство тоже рассеивалось; ему стало казаться, что с этим голосом не все в порядке. Внезапно давление усилилось, и приказы голоса стали бескомпромиссными; не в силах в равной степени подчиняться и сопротивляться, Гарри открыл рот и несколько мгновений против воли кричал о бородавчатом Хогвартсе.

Затем заклинание снялось. Туман мгновенно рассеялся, а Гарри остался слабо дезориентированным и несколько смущенным.

"Вот это да!" сказал Муди, выглядя почти заинтригованным. "Поттер поборол проклятие! Тогда давай попробуем еще раз, парень".

Муди продолжал накладывать на Гарри Империус, пока Гарри наконец не удалось его сбросить. Это был не самый приятный опыт, и у него было несколько синяков, подтверждающих это - прерывать движение в середине прыжка никогда не было хорошей идеей. Гарри также обнаружил, что сопротивляться проклятию гораздо сложнее, если оно не требует от него чего-то запредельного. Например, ему было труднее противиться приказу просто сесть за стол, чем приказу подойти к Дафне Гринграсс и признаться ей в своей безграничной любви. Его подсознание прекрасно понимало, что он не любит Дафну Гринграсс и не хочет признаваться ей в этом; с другой стороны, сесть - не такая уж плохая идея.

Все-таки возможность снять проклятие Империуса была чертовски приятной.

Как только урок закончился, все вышли, немного притихнув. Блез и Милли вышли вместе с Гарри, выпытывая у него советы по сопротивлению Империусу. Дафна и Трейси улыбнулись Гарри, проходя мимо; Малфой, напротив, все еще был в ярости. Он шел рядом с Паркинсон и Ноттом, разговаривая с ними на тихих тонах. После занятий с Муди Малфой и Нотт, казалось, стали лучше понимать друг друга; обычно Нотт, как и Гринграсс с Дэвис, воздерживался от участия в группах Гарри и Малфоя.

"Смотри, куда идёшь, Уизли!"

Гарри, оторвавшись от разговора с Милли, увидел, как Малфой с рычанием набрасывается на Рона Уизли, который, казалось, не был обескуражен внезапным нападением. Малфой искал, на ком бы выместить свой гнев, и кто мог быть лучше, чем удобный Уизли?

"Я даже ничего не сделал, ты, мерзавец!" возмущенно воскликнул Рон.

"Ты существуешь, Уизли, этого более чем достаточно".

Они загораживали коридор. Точнее, Крэбб и Гойл блокировали почти весь коридор, а Малфой просто пытался нависнуть над Роном Уизли. Разумеется, никто из одноклассников Гарри не собирался вмешиваться: Паркинсон и Нотт одобрили, Трейси и Дафна не посмели бы попытаться отобрать у Малфоя его любимую жевательную игрушку, а Блейз и Милли явно

собирались предоставить Гарри самому разбираться с этим. Гарри вздохнул.

"Неужели это должно произойти здесь и сейчас?" - вмешался он, останавливаясь рядом с Малфоем. "Не пойми меня неправильно, Уизли, я очарован тем, что вижу тебя..."

"Да, но я бы предпочел, чтобы ты пошел и засунул голову в унитаз", - ответил Рон, состроив гримасу отвращения.

"Жаль, что никому нет дела до твоих желаний, Уизли", - усмехнулся Малфой.

"Кроме того, вы загораживаете коридор, так что я не могу никуда пойти", - сказал Гарри. "Так что, может, всем пора двигаться?"

"Я даже не начинал этого!" Уизли возмущенно зашипел. "Скажи своему другу Малфоя, чтобы он перестал быть придурком!"

Гарри с трудом удержался от того, чтобы не фыркнуть на нелепое предположение, что они с Малфоем друзья. В этом заблуждении Уизли виновато общественное единство Слизерина, но Гарри даже не объяснил Невиллу и Гермионе тонкости слизеринской политики, поэтому он точно не собирался начинать переубеждать Уизли. Кроме того, любому человеку с двумя глазами должно было быть ясно, что Гарри и Малфой общаются с разными группами людей, а это не совсем то, как поступают лучшие друзья.

"- Пустая трата моего времени", - заключил Малфой. Гарри не уловил начала, но решил, что многого не упустил. "Винс, Грег, пойдемте".

Когда Малфой приказал своим домашним неандертальцам расступиться, движение в коридоре возобновилось; Гарри помахал Невиллу и Гермионе, проходя мимо и торопясь на следующий урок.

"Я так хочу снова увидеть Скрытов, а ты?" радостно сказал Блез.

"О да", - согласился Гарри. "Они делают мои дни достойными жизни".

"Как вы думаете, Уоррингтон действительно попытается принять участие в Тривизардном турнире? спросила Милли, меняя тему.

Гарри пожал плечами.

"Он сказал, что может. Я нечасто общаюсь с ним вне квиддича, а в этом году его не будет".

"Я бы скорее поддержала Уоррингтона, чем Диггори", - нахмурившись, сказала Миллисент.

"Седрик неплох".

"Он хаффлпаффец".

"Милли, Гарри заставил нас общаться с грязнокровкой", - резко произнес Блейз. "С чего ты взяла, что он не будет общаться с хаффлпаффцами?"

Действительно.

Гарри с интересом рассматривал только что прибывших студентов Босбатонса и Дурмстранга, прикидывая, где они будут сидеть. Студенты Дурмстранга казались более приспособленными к шотландской погоде, чем студенты Босбатонса в своих шелковых мундирах, но, с другой стороны, дурмстранговцы были одеты в меха. Должно быть, там чертовски тепло. Взгляд Гарри то и дело останавливался на высокой и красивой девушке из Босбатонса с длинными светлыми волосами - он был уверен, что никогда не видел никого столь привлекательного. Однако она, похоже, не была в восторге от того, что оказалась в Хогвартсе: в то время как многие из Дурмстранга были впечатлены заколдованным потолком и золотой посудой, девушка продолжала сплетничать со своими друзьями и недовольно морщить нос.

Погрузившись в созерцание прекрасной француженки, Гарри чуть не пропустил, когда студенты Дурмстранга подошли к столу Слизера, решив сесть именно там.

"Здравствуйте. Я Драко Малфой", - сказал Малфой, наклоняясь со своего места, чтобы протянуть руку Виктору Круму. Блондин выглядел очень довольным тем, что за их столом оказался представитель Дурмстранга. "Надеюсь, вам понравится ваше пребывание в Хогвартсе".

с интересом заметил Гарри. Судя по тому, что он слышал о Круме, тот был исключительным Искателем. Он также поймал снитч на финале Кубка мира по квиддичу; если бы Гарри поехал, он бы увидел Крума в действии. Вблизи парень не выглядел достаточно красивым, чтобы оправдать то, что девушки по всему залу вздыхали по нему - у него был большой нос, густые брови и довольно неудобная манера двигаться для человека, который, как сообщалось, витает в воздухе.

"Здравствуйте, - ответил Крум, пожимая руку Малфоя. "Я Виктор Крум. Очень рад оказаться в Хогвартсе". Он повернулся и посмотрел на Гарри. "А вы - Гарри Поттер?"

"Да". Гарри улыбнулся, увидев выражение лица Малфоя - неистовая ярость, смешанная с ревностью. "Приятно познакомиться. Честно говоря, я не знал, что ты еще в школе".

Крум кивнул.

"Многие не знают", - ответил он. Все, что он сказал, прозвучало довольно серьезно, но Гарри был уверен, что в этом виноват акцент. "Я пропускаю много занятий. В Дурмстранге для меня специально договорились".

Затем разговор перешел на то, как студенты Дурмстранга собираются продолжать учиться вдали от школы, что они думают о Хогвартсе и как, по их мнению, пройдет Турнир. В целом они выглядели несколько сдержанными, а Крум производил впечатление рассудительного парня. То, как его совершенно не впечатлило подхалимство Малфоя, принесло ему немало очков в глазах Гарри - впрочем, как и самому Гарри, ему, похоже, не нравилось выставять свою славу напоказ.

Как только все поели, Дамблдор встал и представил беспристрастного судью, который должен был выбрать будущих чемпионов Тривизарда, - Огненный кубок.

"Студенты, желающие принять участие в Турнире, должны написать свое имя на листке бумаги и опустить его в кубок, который будет действовать с сегодняшнего дня и до завтрашнего вечера". Дамблдор сделал паузу, когда по залу пронесся возбужденный ропот. "Однако я умоляю вас быть очень уверенными в том, что вы хотите войти, потому что после того, как ваше имя будет выбрано, шансов на пересмотр быть не может. Кроме того, я проведу вокруг кубка возрастную черту, чтобы никто младше семнадцати лет не смог обойти возрастные ограничения".

Дамблдор, казалось, смотрел на близнецов Уизли, когда говорил это; Гарри видел, как они что-то срочно обсуждали за гриффиндорским столом, вероятно, придумывая, как обмануть возрастную линию. За столом Слизерина разговор тоже стал более оживленным - студенты Дурмстранга переговаривались друг с другом на языке, который Гарри не мог определить, а на английском обсуждали, кто из них назовет свое имя и кто, возможно, станет чемпионом Хогвартса. Малфой, как и следовало ожидать, похвастался, что при желании может легко попасть на Турнир, но ему напомнили о его месте сторонники Чарльза Уоррингтона и группа семикурсников Лавинии Якли. Блез пошёл наперекор общему мнению и назвал Турнир самоубийством.

Гарри задавался вопросом, каким образом, зная только имя человека, Беседка сможет определить, достаточно ли он хорош - не говоря уже о том, с помощью чего она будет читать имена. Магия работала странным образом, и волшебный мир не уставал напоминать ему об этом.

Как бы то ни было, завтра к этому времени все догадки закончатся - они будут знать имена всех трех чемпионов.